Мое житье — бытье въ селѣ К — сѣ.

(изъ вспоминаній священника.)

Восемьнадцать лѣтъ служу я священникомъ въ городѣ; приходомъ своимъ совершенно доволенъ, а все — таки нерѣдко вспоминаю мой первый приходъ въ мордовскомъ селѣ К.....ѣ. Памятенъ онъ мнѣ патріархальною простотою прихожанъ, ихъ усердіемъ помогать мнѣ тѣмъ и другимъ, вниманіемъ къ моимъ простымъ бесѣдамъ съ ними. Оттуда вынесъ я впечатлѣнія и убѣжденія, отъ которыхъ,

надѣюсь, никогда не откажусь. Можетъ быть, нѣкоторыя черты изъ моего житья — въ К.....ѣ вызовутъ въ моихъ собратіяхъ, священникахъ, мысли и соображенія, примѣнимыя къ окружающей ихъ средѣ, и потому не безполезныя. Вотъ побужденіе, по которому я берусь за перо.

I.

Пріѣздъ мой въ приходъ. Хлопоты о квартирѣ.

Я прибылъ въ К...ъ въ Ноябрѣ 1850 года, только что рукоположенный во священника. Время было самое ненастное, дождь чуть не каждый день лилъ постоянно въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль; грязь непроходимая. Мокрый и иззябшій съ женою и еще съ сестрою моею, дѣвицею, въ одной повозкѣ, и съ имуществомъ въ другой, подъ вечеръ въѣзжаю я въ село К....ъ, въ которомъ у меня не было ни двора, ни человѣка знакомыхъ. Куда же заѣхать? Подъѣзжаю къ церкви. Помолился; изъ церковной сторожки выходитъ сторожъ. Я отрекомендовался ему священникомъ, поставленнымъ въ это село.... „А, бачка... Это ты? Такъ, такъ; я слышалъ, что пріѣдетъ къ намъ попъ молодой...“ — Скажи — ка мнѣ, говорю, куда бы заѣхать? Квартиры, избы какой свободной нѣтъ ли у кого? — „Пустой избы? Какъ знать, поди — чай есть у кого, а можетъ, и нѣтъ. Да вотъ отча (отецъ) дьяконъ идетъ“... Подошелъ о діаконъ; смотритъ какъ-то непривѣтливо, (взглядъ и говоръ былъ такой, на самомъ же дѣлѣ былъ добрый старикъ.) „Чего вамъ? спрашиваетъ онъ строго. — „Да вотъ, куда бы взъѣхать хотя бы на ночь пока; я сюда опредѣленъ священникомъ, а это моя семья. — О. діаконъ снялъ шапку, просптъ

благословенія, а смотритъ все — таки не людимо. „Не знаю, говоритъ, куда вамъ взъѣхать; у меня мѣста нѣтъ“ (а у него двѣ большія избы, а семьи только 3 лица). Поди — ка, Дема (Дементій), говоритъ сторожу, спроси старую попадью, не пуститъ ли батюшку, у нее горница пустая.“ Дема пошелъ въ домъ моего предшественника, умершаго около 2-хъ мѣсяцевъ назадъ. Между тѣмъ, не смотря на дождь и вѣтеръ, окна почти всѣхъ избъ, окружающихъ съ трехъ сторонъ церковную площадь, открылись; высунулись человѣческія головы, смотрятъ на пріѣзжихъ. Скоро около моихъ повозокъ собралось человѣкъ десять мордвы того и другаго пола. Пришелъ пономарь старикъ. Толкуемъ. Дема возвратился не съ такимъ отвѣтомъ, какого мнѣ хотѣлось: матушка не дозволяетъ мнѣ къ ней взъѣхать Посмотрѣлъ я на ея домъ: длинный флигель и особая изба по другую сторону воротъ. „Можетъ быть у нея большая семья? спросилъ я, или нѣтъ ли какихъ пріѣзжихъ?“ Никого нѣтъ, отвѣчаютъ мнѣ, во всемъ домѣ только и есть жильцовъ, что она, да еще старуха — кухарка. Мнѣ становилось грустно, а моя молодая семья дрожала отъ холода; наступаетъ ночь Приходитъ сотникъ и докладываетъ, что можетъ отвести мнѣ квартиру на ночь, только скоро этого сдѣлать не можетъ, потому что теперь не то что лѣтомъ: избы переполнены народомъ, всѣ будутъ говорить: самимъ тѣсно.“ Да ты, Николаичъ, говоритъ пономарю, что не пускаешь бачку? У тебя изба — то, — ой — ой какая, да и горница есть, а семья — то разъ, два, три, да и всѣ тутъ? — Я, пожалуй, пущу, отвѣчаетъ пономарь, пойду только съ старухой потолкую. — „А что съ старухой толковать? настан-

ваетъ сотникъ; поѣдемъ, бачка, къ Николапчу. — Ну поѣдемъ — те, соглашается попомарь; я очищу для васъ горницу.“ Стали заворачивать лошадей, у меня отлегло на душѣ.....

Изба Николапча оказалась просторная, теплая, съ тремя окнами на улицу и съ однимъ на дворъ; стѣны, столъ, лавки, все такъ чисто, какъ будто недавно вымыто, а старушка — хозяйка оказалась такая ласковая къ пріѣзжимъ. Мы разомъ повеселѣли Скоро изба начала наполняться посѣтителями — прихожанами; пришли даже чины Волостнаго Управленія, кромѣ головы. За головою Николапчь посовѣтовалъ мнѣ послать: онъ — де честь любитъ и нуженъ человѣкъ. Я сдѣлалъ по совѣту старика, и голова пришелъ, такой осанистый и важный, и, какъ послѣ оказалось, дѣйствительно нужный человѣкъ. — Самоваръ уже былъ на столѣ; жена стала угощать всѣхъ чаемъ. Но сотникъ, принимая чашку, почесалъ затылокъ: ,,а за виномъ, спрашиваетъ, ты ,бачка, пошлешъ, аль самимъ намъ купить?“ — Нѣтъ, говорю, зачѣмъ же вамъ покупать: теперь вы мои гости, и я уже послалъ за виномъ. — ,,То — то;“... И никто не глонулъ чаю, не опорожнивъ напередъ порядочный стаканчикъ водки, а послѣ и чай пили усердно. Водка всѣмъ развязала языки. ,,Ты, бачка, только спѣсивъ не будь, а ужь мы — то тебя прокормимъ,“ — говорили люди простые и начальство; ,,ты у насъ богатъ будешь; домъ — то у старой мачки (матушки — попадьи) купишь, аль свой строить будешь? Пожалуй, мы тебѣ по бревну со двора дадимъ, — вотъ и домъ. Старая мачка хочетъ дорого просить за свой домъ, отъ того тебя и не пустила къ себѣ: скорѣй,

говоритъ, купитъ, какъ жить негдѣ.“

Бесѣда продолжалась долго; прихожане распрашивали, откуда я родомъ, кто отецъ, и откуда взялъ я себѣ жену; разсказали, сколько разъ мой предшественникъ — священникъ хлѣбомъ по нихъ собиралъ, и что они даютъ — бѣдный пол-мѣры, а богатый и цѣлую мѣру, а то и больше; хвалились, что за крестины даютъ 10 к. сер. за причащеніе тоже, а за свадьбу.... „коль не будешь, бачка, упрямъ, у насъ и золотыми даютъ.“ На все это я говорилъ *спасибо*, а про себя думалъ: давно ужь я напередъ знаю будущіе мои доходы у васъ: до 120 р въ годъ съ 900 душъ, да хлѣба рублей на 60; много хвалиться не чѣмъ.

Мирный тонъ бесѣды едва не нарушился съ появленіемъ новаго, неожиданнаго гостя, какого — то писца изъ Окружнаго Управленія государственныхъ крестьянъ Онъ пріѣхалъ въ К — ое Волостное Управленіе по дѣламъ службы, и, узнавши, что голова у священника, только что пріѣхавшаго въ приходъ, пришелъ въ мою квартиру видимо съ цѣлію себя показать, и ныли напустить. Это былъ дѣтина лѣтъ 20-ти, съ большимъ чупомъ на головѣ, примазанный и причесанный, съ претензіей на бонтонность, недурной собой, но съ измятой и истасканной физіономіею. Войдя въ мое общество, какъ важное и дѣловое лицо, онъ обратился прежде всего къ головѣ: я — де пріѣхалъ въ Волостное Управленіе по такому — то дѣлу, что и какъ у васъ это дѣло? Голова отвѣчалъ, что о дѣлахъ лучше говорить натощакъ, по утру, ибо утро вечера мудренѣе; а теперь, говоритъ, мы вотъ въ гостяхъ у батюшки. Тогда уже дѣловое лицо обратилось ко мнѣ

съ словомъ: здраствуйте, батюшка, и непосредственно за тѣмъ съ наставленіемъ — не притѣснять крестьянъ вымогательствами за требы; попы, говоритъ, съ живаго и мертваго дерутъ, но если дойдетъ жалоба до Окружнаго Управленія, то не пѣняйте. Я хотѣлъ отвѣчать ему что-то въ успокоительномъ и мирномъ тонѣ, но голова предупредилъ меня. Онъ зналъ, какая птица къ намъ залетѣла, и подарилъ его благородіе такимъ взглядомъ и такимъ мѣткимъ да полновѣснымъ словомъ, что тотъ видимо смутился и присмирѣлъ, а я, слушая отвѣтъ головы, припомнилъ одну сцену изъ Одиссеи:

Мрачно взглянувъ изъ — подлобья, сказалъ Одиссей благородный:
Слово обидно твое: человѣкъ ты, я вижу, злоумный.
....
.....Твоя красота безпорочна, тебя и Зевесъ бы
Краше не создалъ; за то не имѣешь ты здраваго смысла.
Милое сердце въ груди у меня возмутилъ ты своею дерскою рѣчью.....(*)

Непрошенный гость скоро ушелъ, благодаря, конечно, Одиссеевской рѣчи головы.

Старушка — пономарица объявила наконецъ, что горница выметена и протоплена и можно теперь перенести туда всѣ мои пожитки. Тѣ же гости — прихожане взялись перенести ихъ съ возовъ въ горницу. Жена моя уже видѣла эту горницу, а я еще не видѣлъ. Вхожу, — обдало дымомъ. Горница — это тоже большая изба, съ дву-

(*) Одиссеи пѣснь VIII Переводъ Жуковскаго.

мя небольшими окнами на дворъ; но вся сверху до низу прокопчѣла сажею: она прежде топилась по черному, т. е. печь не имѣла трубы. Не понравилась мнѣ эта горница, но въ ней не холодно, а какъ завтра протопимъ въ другой разъ, думалъ я, тепло будетъ: чего же еще?

Около часу понадобилось на то, чтобы горницѣ, уже не одинъ годъ служившей кладовою, дать видъ жилой комнаты. Наконецъ все улажено. Поблагодарилъ я своихъ гостей за ласки и услуги, и они стали расходиться. Наконецъ можно было, помолясь на новомъ мѣстѣ Господу Богу, и уснуть. Но мнѣ съ семьею готовилось на этотъ разъ испытаніе въ терпѣніи: дождь, отъ котораго мы думали теперь скрыться подъ кровлею Николаича, пашелъ насъ и тутъ Глядимъ: и въ этомъ углу капаетъ и въ другомъ тоже; капаетъ на постель, на столъ, на поставленныя нами въ переднемъ углу иконы, — словомъ, во всей избѣ оказалась течь. Чтобы сберечь свои вещи отъ порчи дождемъ, надо было постоянно перетаскивать ихъ съ одного мѣста на другое, гдѣ еще не капаетъ: попомучились гораздо, а конца работѣ не видно: — дождь на дворѣ и течь въ избѣ все усиливается. Сложили мы всѣ свои вещи въ кучу на полу, на самой срединѣ избы; укрыли все это войлокомъ и кое — чѣмъ и сами усѣлись тутъ же, да такъ и уснули. По утру встали мокрые, но дождь прошелъ, и на насъ больше не капаетъ. Къ чаю пригласили мы и Николаича съ его женою. „Какъ же это такъ?“ говоритъ мой хозяинъ, — прежде только вонъ въ заднемъ углу капало, а нынѣ во всей горницѣ? А и то сказать: я вѣдь давно не входилъ сюда.....Старухѣ надобно бы это знать и сказать бы прежде. „И

порѣшилъ Николаичъ: въ этотъ же день крыть горницу новою соломою по старой. Но его старушка добавила: „не слѣдъ намъ жить въ новой избѣ (передняя изба была новая), а батюшкѣ въ этой черной темной горницѣ; давай мы, Николаичъ, жить въ горницѣ, а они въ новой избѣ.“ Мнѣ стало совѣстно предъ старушкой отъ такого великодушнаго предложенія. Но она настаивала на своемъ. Николаичъ говоритъ, что ему все равно, жить въ горницѣ, или въ новой избѣ, а печи — де не будетъ: онъ сей — часъ же позоветъ десятерыхъ молодцовъ, и къ вечеру такъ покроетъ горницу, что ни капельки не прольетъ въ нее, Сказалъ и пошелъ дѣлать, что порѣшилъ. Добрый и славный старикъ былъ этотъ Николаичъ. Дѣйствительно къ вечеру работа была кончена, а мы перешли въ новую избу, которая мнѣ и семьѣ моей такъ понравилась съ перваго раза. Намъ было тепло, но хозяева, сколько ни жгли дровъ, не могли нагрѣть своей горницы. Мнѣ стало жалко и совѣстно морозить стариковъ. Иду ко вдовѣ, женѣ моего предшественника, вступаю въ переговоры о квартирѣ или о покупкѣ ея дома. Оказывается, что продажа и покупка не можетъ быть совершена безъ разрѣшенія Св. Синода; домъ былъ сиротскій и состоялъ подъ опекою. За то переговоры о наймѣ квартиры увѣнчались успѣхомъ: нашлось помѣщеніе и для меня съ семьею, и для хозяйки дома, да въ добавокъ и для сельскаго училища, содержимаго Палатою Государственныхъ Имуществъ. Хозяйка стала получать, помнится, до 6 р. сер. въ мѣсяцъ, и я зажилъ совершенно спокойно. Къ довершенію всѣхъ благъ, училище оказалось подъ бокомъ, именно лишь чезъ сѣни. Теперь мнѣ можно было поду-

мать о новыхъ обязанностяхъ, какъ приходскаго священника и школьнаго учителя, такъ какъ я назначенъ былъ и учителемъ сельскаго училища.

Но за чѣмъ я говорю о непріятностяхъ, встрѣченныхъ мною на первомъ шагу въ приходѣ, по пріисканію квартиры и проч.? Къ чему разсказалъ также о томъ, какъ я задобривалъ прихожанъ и сельское начальство водкою? Вѣдь это по опыту извѣстно каждому сельскому священнику!... Такъ! Но не такъ должно быть для пользы Церкви Христовой. Унизительны для священника эти вѣчныя задобриванія прихожанъ водкою, ради матеріальныхъ выгодъ и не ведутъ къ добру. Но они неизбѣжны по устройству нашего быта, сложившагося въ слѣдствіе историческихъ судебъ священства въ Россіи. Тѣмъ — то болѣе мы должны быть благодарны Правительству, которое, предпринимая реформы въ духовенствѣ, очевидно хочетъ снять съ него тяжелое иго зависимости отъ прихожанъ во всемъ, до куска хлѣба и воза дровъ. Теперь и православное духовенство не будетъ завидовать духовенству Католическому и Протестантскому, имѣющему квартиры при самыхъ церквахъ. Въ нашей Пензенской Епархіи, сколько мнѣ извѣстно, уже многіе причты, при дѣятельномъ участіи Епархіальнаго Начальства, пріобрѣли церковные домы на счетъ церковныхъ кошельковыхъ суммъ. Дай Богъ, чтобы и прочіе наши собратія дѣятельнѣе принялись за осуществленіе желаній Правительства относительно пріобрѣтенія церковныхъ домовъ для жительства причтовъ. Такая дѣятельность ихъ не только предотвратитъ непріятности, какія приходилось доселѣ испытывать

каждому новопоставленному іерею и діакону, но и вполнѣ будетъ согласна съ желаніями Правительства и найдетъ себѣ оправданіе въ практикѣ первенствующей христіанской Церкви; потому что церковные домы для духовенства были покрайней мѣрѣ съ 4-го христіанскаго вѣка. Изъ письма св. Василія Великаго къ Иліи, правителю Каппадокійской области, видно, что Церковь заботилась не только о постройкѣ великолѣпныхъ храмовъ, но и о приличномъ помѣщеніи при нихъ для служителей храмовъ. (*) Средства для тѣхъ и другихъ построекъ слагались изъ приношеній вѣрующихъ. Св. Василій ничего не просилъ отъ государства, кромѣ свободы Церкви (письмо 94-е), и за стѣнами Кесаріи на церковныя средства выстроилъ цѣлый новый городъ; тутъ были и странноприимницы и больницы и цѣлый длинный рядъ церковныхъ построекъ (Надгробн. рѣчь Григорія Назіанз. Св. Василію). Можетъ быть, даже очень вѣроятно, что и въ древности не каждая христіанская община имѣла возможность устроивать помѣщенія для служащихъ храму. Но

(*) Вотъ слова Св. Василія Вел: „выстроить Богу нашему великолѣпный домъ молитвы значитъ ли наносить вредъ Государству? Также точно соединенное съ нимъ приличное жилище для Епископа и другія, хорошо устроенныя зданія для тѣхъ, которые заботятся о Церкви, служатъ ей, ужели принесутъ вредъ Государству?“ Твоя досточестность не должна предполагать, что это, съ нашей стороны, пустые проекты; они уже готовы къ осуществленію; и мы уже приготовили матеріалы для этой цѣли, (Христ. Чт. 1866 г. Мартъ. стр. 294 и 295).

для насъ важенъ фактъ, что эти помѣщенія устроивались, когда были средства. Правда и у насъ Правительство не разъ обращало вниманіе на необходимость церковныхъ домовъ для причта, служащаго Церкви; но доселѣ распоряженія его какъ — то оставались безъ исполненія, можетъ быть, отъ недостатка нашей собственной заботливости. Такъ Императоръ Петръ 1-й Указомъ 28 Февраля 1718 г. повелѣлъ: „у церквей обрѣтающимся попамъ сущихъ „своихъ домовъ не имѣтъ и не продавать, а имѣть оные „купленные на сборныя церковныя деньги....и ежели у „которыхъ поповъ при церквахъ нынѣ купленные дворы, и „тѣхъ дворовъ за хоромное строеніе заплатить имъ деньги „изъ сборныхъ церковныхъ же денегъ.“ Указомъ Святѣйшаго Сунода 29 Октября 1722 г. тоже самое предписано относительно діаконовъ и причетниковъ и ихъ домовъ (Совр лист.. 1867 г- № 13 стран. 3.). § 13 инструкціи церковнымъ старостамъ такъ же обязываетъ ихъ заботиться о пріобрѣтеніи церковныхъ домовъ для причтовъ Но были ли гдѣ приведены въ исполненіе эти благія распоряженія, мы не знаемъ. А знаемъ, что по всей Россіи, за немногими исключеніями, куда относятся церковные домы при столичныхъ церквахъ, дѣло до послѣдняго времени находилось въ такомъ положеніи: пріѣзжаетъ новый священникъ, хотябы въ приходъ, гдѣ и земли и лѣсу, какъ въ К — сѣ, видимо — невидимо, — ему и пріюта нѣтъ. За деньги и найдетъ онъ пріютъ (квартиру), да такой мрачный и не ласковый. . . И течь отъ дождя донимаетъ и холодъ пробираетъ. Да какъ это на долго? до самой постройки собственнаго дома, т. е. на цѣлые годы. Тяжелымъ гнетомъ ляжетъ такая невзгода на священника:

не до того ему, чтобы съ первыхъ же дней, по прибытіи въ приходъ, усердно заняться своими пастырскими обязанностями. И откладываются онѣ, эти святыя обязанности (кромѣ необходимыхъ требъ, на скоро отправляемыхъ), все впредь и впредь — до удобнѣйшаго времени. Но пока оно придетъ наконецъ, священникъ уже привыкъ быть только *изтребникомъ* (требоисправителемъ, мѣстное выраженіе), привыкъ по необходимости къ задобриванію прихожанъ водкою и всякими угожденіями до низкопоклонничества; онъ измелчалъ въ житейскихъ хлопотахъ, и послѣ уже трудно ему возвыситься до дѣятельнаго сознанія, что онъ пастырь и учитель народа. Устройство церковныхъ домовъ для священно-церковно-служителей есть первое условіе улучшенія нашего быта и полезнѣйшаго служенія Св. Церкви.

(*Продолженіе впредь.*)

Мое житье — бытье въ селѣ К — сѣ.

(изъ воспоминаній священника.)

(Продолженіе (1).

II.

Пастырская дѣятельность.

Пастырская дѣятельность священника обыкновенно начинается исправленіемъ требъ. Едва онъ успѣетъ показаться въ приходѣ, какъ зовутъ съ требою. За тѣмъ слѣдуетъ служба въ церкви и проповѣдь. Но до проповѣди, случится можетъ, очередь не скоро дойдетъ. Неизбѣжныя хлопоты о квартирѣ, о хлѣбѣ и разныхъ разностяхъ, не даютъ новоприбывшему въ приходъ священнику собраться съ мыслію и сколько нибудь сосредоточиться въ себѣ. И не замѣтитъ онъ, какъ прошло нѣсколько дней и наступило воскресенье. Священникъ является въ церковь пастыремъ и учителемъ прихода, отслужитъ литур-

(1) См. № 24 Ц. Е. В. 1869 г. стр. 709.

гію, на него смотрятъ сотни глазъ прихожанъ; чувствуется священникомъ потребность говорить съ ними, — и однако онъ безмолвствуетъ: онъ не приготовилъ проповѣди, стоющей, по его мнѣнію, вниманія, а сказать что—либо простое, безъискуственное онъ не рѣшается, боясь скомпрометировать себя во мнѣніи прихожанъ. Увы, желая блистать даромъ слова, мы — священники, не молодые только, но и пожилые, забываемъ, что часто нѣсколько простыхъ, но задушевныхъ словъ съ церковной каѳедры, приносятъ больше пользы, нежели цѣлая проповѣдь, составленная по всѣмъ правиламъ ораторскаго искуства! Такъ по крайней мѣрѣ было со мною при первомъ моемъ служеніи въ церкви. Я ни чего не сказалъ народу; потому именно, что желалъ сказать проповѣдь, а не простое и краткое поученіе; а проповѣди приготовить не успѣлъ за житейскими недосугами, — ну и смолчалъ, когда глаза и уши народа, хотя, конечно, безсознательно, ждали моего слова. Хорошо, что нынѣ у насъ въ Пенз. Епархіи требуется отъ каждаго ставленника — священника, прежде отпуска его въ приходъ, поученіе, которое тотъ долженъ сказать народу при первомъ служеніи въ церкви: этимъ требованіемъ облегчается новопоставленнымъ священникамъ начало ихъ проповѣдничества въ приходѣ. Доброе начало, говорятъ, особенно во время сдѣланное, стоитъ половины дѣла.

Мое молчаніе въ церкви скоро, однако, прекратилось. Я всегда былъ того убѣжденія, что обязанности приходскаго священника не ограничиваются требами и церковною службою, что проповѣдничество есть тоже его святѣйшая и необходимѣйшая обязанность. Это убѣжденіе

сложилось во мнѣ отъ примѣра и бесѣдъ съ О. Петромъ, священникомъ села У — ей, гдѣ до посвященія моего во священника я болѣе года жилъ въ домѣ К. Д, въ качествѣ домашняго учителя его дѣтей, готовившихся въ кадетскій корпусъ. Умный и благочестивый священникъ былъ О. Петръ, теперь уже покойный. Любилъ онъ возвѣщать слово Божіе съ церковнаго амвона. Говорилъ онъ не по тетрадкамъ, и рѣдко по книгѣ, а больше бесѣдовалъ такъ, какъ отецъ съ дѣтьми, — что ему Богъ положитъ на сердце, то и говорилъ. Горько онъ жаловался на то, что молодые священники говорятъ больше по ученому, и народъ не понимаетъ ихъ. Не любилъ онъ особенно тѣхъ священниковъ, которые не говорятъ поученій въ церкви, ссылаясь на непонятливость сельскаго народа. „Сами, говорилъ онъ, не умѣютъ, или не хотятъ говорить съ народомъ, да свою вину и слагаютъ на народъ.“ Прихожане любили О. Петра за его простыя безъискуственныя бесѣды съ ними. Я хотѣлъ подражать О. Петру, И вотъ во второе, или третье, воскресенье я сказалъ народу проповѣдь; отъ тетрадки, конечно, не посмѣлъ отрѣшиться; говорю, а самъ смотрю, понимаютъ ли меня слушатели. Увы, физіогноміи ихъ доказывали, что мои слова бьютъ — лишь уши Мордвы! Особенно на лицахъ женщинъ я не замѣтилъ ни малѣйшаго признака пониманія, — просто стоятъ разинувши рты — да и только! А мнѣ казалось, что проповѣдь написана моею понятнымъ языкомъ По окончаніи литургіи подхожу я къ сотоварищу моему, другому священнику. Тотъ улыбается, да и говоритъ: „напрасно, братъ, трудился надъ проповѣдію; вѣдь у насъ Мордва, слова не поймутъ, какъ имъ

ни толкуй.“ — Да вѣдь они, даже бабы, говорятъ же кое — какъ по — русски, возражаю я.“ — Да это правда, а проповѣди не поймутъ, какъ ты ни толкуй; пытался и я когда — то говорить проповѣди, да и бросилъ; и книги такой, чтобы поняли, не сыщешь.“ Мнѣ — стало грустно. Однакожъ я не терялъ надежды, и въ слѣдующее воскресенье опять вышелъ на амвонъ съ тетрадкою. Народъ стоитъ смирно, вниманіе полнѣйшее, но понимаютъ ли, этого ни почему не замѣчаю. А надъ проповѣдію я сидѣлъ долго, — все хлопоталъ, чтобы толковито было. Но должно быть въ равной степени занимало меня пріисканіе и расположеніе доказательствъ; потому что, помнится, занимаясь проповѣдію, я цѣлую недѣлю почти изъ рукъ не выпускалъ книги „Слова и рѣчи Высоко — Преосвященнѣйшаго Митрополита Филарета.“ Любилъ я ихъ очень, — какъ люблю и доселѣ, нѣкоторыя проповѣди даже на изустъ зналъ, да въ свою — то тетрадку нѣтъ — нѣтъ и вставлю готовое выраженіе, — иначе какъ будто нельзя и выразиться. Понятно, что изъ этого выходило, и отъ чего ни одинъ мускулъ на лицахъ моихъ слушателей не двигался. Наконецъ я вспомнилъ О. Петра, говорившаго проповѣди безъ тетрадки, и рѣшился попробовать этотъ способъ церковной бесѣды. Опытъ, по моему замѣчанію, удался удовлетворительно. Я увидѣлъ, что и Мордва могутъ понимать простое и безхитростное поученіе. За тѣмъ этотъ опытъ повторенъ и, слава Богу, рѣчь выходила какъ — то толковитѣе и вразумительнѣе. Я обрадовался такому открытію, и началъ проповѣдывать почти каждое воскресенье. Народъ слушалъ мои слова съ видимою охотою, и даже въ церкви время отъ времени

становилось людиѣе, а это побуждало меня усерднѣе продолжать начатое дѣло. Обыкновенно я выходилъ на амвонъ съ Евангеліемъ въ рукахъ, напередъ избравши и уяснивши для себя какое — либо мѣсто изъ него. „Вотъ, объясняю, книга, въ которой написанъ законъ христіанскій, и по которой Богъ будетъ судить насъ, — самая святая изъ всѣхъ книгъ, отъ того и лежитъ она въ алтарѣ на святомъ престолѣ: почитаемъ что въ ней написано!..... читаю текстъ и начинаю объяснять, мѣтя на нравы и обычаи Мордвы. Я уже зналъ, что народъ толкуетъ о моихъ церковныхъ поученіяхъ въ благосклонномъ для меня смыслѣ. Разъ въ воскресенье между заутреней и литургіею встрѣтила меня на улицѣ старушка и спрашиваетъ: „бачка, нынѣ будешь *калякать* въ церкви?“, Стану, говорю; тебѣ что? — „Да хочу сноху привести въ церковь: ухъ, какая она злая! пусть — ка послушаетъ святую книгу и узнаетъ, какъ жить надо.“ — Приводи, говорю, нынѣ я буду читать какъ заповѣдано людямъ жить въ семьѣ. И старушка была въ церкви съ своею снохою, а я говорилъ на слова Евангелія: *возлюбиши Господа Бога твоего.... и ближняго твоего, яко самъ себе*. Вотъ и еще одинъ случай, который окончательно вразумилъ меня, какъ надо говорить съ простымъ народомъ; именно мнѣ привелось сказать въ церкви нѣчто въ родѣ проповѣди не по писанному, не по тетрадкѣ, составленной по всѣмъ правиламъ ораторскаго искусства, а такъ просто, какъ сердце вѣщало: и вышло понятно и съ пользой. Вотъ какъ это было. Весна 1861 года открылась сухая; пашетъ народъ свои поля, посѣялъ иной послѣднее зерно, а безъ дождя всходовъ нѣтъ. Мордва при-

уныли; ходили уже на поля молебствовать; стали поговаривать и о другомъ общественномъ молебствіи, да чтобы идти съ иконами дальше на какой — то родникъ, и потомъ за — разъ обойти всѣ поля. Наступило воскресенье, отблаговѣстили къ обѣднѣ; товарищъ мой въ церкви готовился служить, а меня позвали въ конецъ села съ требой. Иду улицей, а Мордва — мущины, въ бѣлыхъ праздничныхъ рубахахъ, посиживаютъ кучками на бревнахъ и на завалинахъ подъ окнами избъ .. . встанутъ, кланяются мнѣ, — кланяюсь и я имъ, а самъ иду дальше, раздумывая: о чемъ они толкуютъ и отъ чего не идутъ въ церковь? Наконецъ подхожу къ одной кучкѣ, — человѣкъ десятокъ тутъ было, — да и говорю: „вѣдь къ обѣднѣ — то отблаговѣстили, отъ чего бы не пойти въ церковь? за работу ли беретесь же? — „И то, бачка; чтобъ не пойти? да вотъ сидимъ, — Мордва значитъ.... обычай такой ужь; ну и на сходъ повѣщали итти: мірское дѣло есть.“ — Иду обратно, а сходъ уже собирается у кабачка. Кабакъ стоитъ на той же площади, гдѣ и церковь, неподалеку отъ нея, и какъ разъ противъ главной церковной двери, такъ что, когда священникъ во время службы обращается къ народу, то чрезъ народъ, стоящій въ церкви, видно ему и кабакъ и народъ около него. Стоя въ алтарѣ, пока шла литургія, я сообразилъ, что теперь самъ собою представился случай сказать поученіе о хожденіи въ церковь и о томъ, что до обѣдни не слѣдуетъ собирать мірской сходъ, Попросилъ у Господа вразумленія, какъ и что сказать и въ обычное для проповѣди время, вышелъ на амвонъ. Хорошо помню, что я былъ смущенъ и какъ будто взволнованъ; не вдругъ сказалъ я

первое слово, и началъ въ такомъ родѣ: не знаю, говорить — ли мнѣ, или лучше плакать!... Если говорить, всего вѣрнѣе, что не послушаете, а плакать — такъ по крайней мѣрѣ Богъ увидитъ и, можетъ быть, смилуется надъ вами... О! грѣхъ великій берете вы на свою душу, что въ воскресенье идете вы не въ церковь, а къ кабаку мірское дѣло рѣшать. Да что лгать — то? За чѣмъ себя и людей и Бога обманывать? Не для мірскаго дѣла старики ползутъ къ баку, а для своего брюха, чтобы пораньше налить его виномъ, купленнымъ на чужія денежки. Не правда — ли? („Правда, бачка, правда,“ раздался голосъ въ церкви. Значитъ понимаютъ, подумалъ я.) Правда, продолжаю, какъ есть сущая правда. Мірское дѣло судить можно въ любомъ мѣстѣ, только не у кабабака; можно послѣ обѣдни, помолясь прежде Господу Богу. Тогда и Богъ вразумитъ, какъ лучше и справедливѣе рѣшить мірское дѣло. А у кабака виномъ пахнетъ и къ вину васъ тянетъ, и наровите вы, какъ бы по скорѣе спить съ кого, съ виноватаго или праваго, — вамъ все равно, лишь бы напиться вина! Не такъ ли? а? — „Такъ, бачка, такъ, что грѣхъ таить!!... Слышалъ я какое дѣло нынѣ станутъ рѣшать: Сидоръ увезъ у Памфила изъ лѣсу возъ дровъ, — за своими ѣхать было дальше, онъ и наложилъ дрова чужія, сложенныя при самомъ въѣздѣ въ лѣсъ. Онъ сдѣлалъ дурно, укралъ. Онъ долженъ, первое, отдать дрова хозяину; ну а потомъ, пожалуй, и оштрафовать его можно, только ужь не виномъ, которое выпьютъ одни міроѣды, а ужь лучше деньгами, и отдать тѣ штрафныя деньги либо тому хозяину, чьи дрова, или поверстать въ подать за бѣдныхъ и нищихъ

вашего же села. А вамъ бы все пьянствовать, за тѣмъ и въ церковь не идете въ праздникъ. Сосчитай-ка каждый про себя, сколько разъ въ году ты приходилъ въ церковь? Разъ, два, — да пожалуй и только! Про Бога вы только и вспоминаете, какъ дождя нѣтъ, какъ поля сохнутъ и грозитъ голодъ. Тутъ вы говорите: ,,иди бачка, молебенъ нѣть — всѣ поля надо обмолебствовать.... за одинъ разъ хотите и всѣ грѣхи отмолить, и милость у Бога — хорошій урожай испросить... Полно — те: не обманете вы Бога; знастъ Онъ васъ, что вы за молельщики! Ей, опомнитесь! Положите на сходѣ, — первое: не обижать другъ друга неправеднымъ судомъ да не опивать виномъ; второе: въ церковь по праздникамъ ходить, и мірскихъ сходовъ до обѣдни не дѣлать: тогда Богъ благословитъ васъ и ваши семьи, и поля ваши, и скотъ вашъ, а безъ того и молебновъ вашихъ Богъ не приметъ, и пойдетъ на васъ бѣда за бѣдой. Послушайте меня, правду говорю я вамъ.“ Въ этомъ тонѣ я говорилъ довольно долго. Смущеніе, которое чувствовалъ я взойдя на амвонъ, прошло; рѣчь текла свободно и видимо была понятна народу. Слушатели почесывали затылки, и качали головами, — а иные такъ и въ слухъ отвѣчали: ,,правда, бачка!!... или, ,,такъ, такъ!“ Плодомъ этой проповѣди было вотъ что: по выходѣ изъ церкви старики, какіе были въ церкви, остановились, потолковали между собою и гурьбой пошли на мірской сходъ; разсказали мои слова сходу, да говорили — то настойчивѣй, чѣмъ я говорилъ: ,,не быть сходу во время обѣдни,“ да на томъ и порѣшили цѣлымъ сходомъ. Объ этомъ разсказалъ мнѣ прежде всѣхъ Дема (сторожь), а послѣ и

другіе. — Такъ — вотъ оно, какъ надобно говорить съ этимъ народомъ, подумалъ я; выходитъ правъ О. Петръ: не народъ виноватъ, что не понимаетъ проповѣдей, а самыя проповѣди, или проповѣдники.

И такъ я не сталъ долго мудрствовать надъ составленіемъ проповѣдей и онѣ стали понятны народу. Я считалъ достаточнымъ обдумать лишь предметъ рѣчи, и только, изрѣдка, главныя мысли клалъ въ на бумагу для памяти, и эту бумагу влагалъ въ книгу, съ которою выходилъ на амвонъ, чтобы не потерять нить бесѣды. Скажу не обинуясь, что меня слушали охотно. Чрезъ Дему я зналъ, что о моихъ рѣчахъ народъ толковалъ и отзывался съ благодарностію. Иногда за одинъ разъ, въ одной и той же бесѣдѣ я говорилъ о разныхъ предметахъ христіанской жизни и вѣроученія. Къ чему тутъ, думалъ я, правильность системы, когда, говоря свободно, по внушенію одного чувства, или представившагося случая, я достигаю цѣли церковнаго собесѣдованія, — именно хоть сколько нибудь трогаю эту не тронутую почву. Такъ напримѣръ при вторичномъ молебствіи о дождѣ, я на первомъ же родникѣ, какъ освятили воду, говорилъ снача о томъ, для чего молимся при родникахъ и за чѣмъ кропимъ поля св. водою; за тѣмъ внушалъ, что Богъ видитъ и слышитъ наши молитвы на всякомъ мѣстѣ, что безъ покаянія во грѣхахъ нельзя ничемъ умилостивить Бога; и въ чемъ состоитъ покаяніе; а наконецъ, пользуясь случаемъ, что вижу почти цѣлый приходъ, перешелъ къ исповѣди и причащенію св. таинъ въ великій постъ, и старался объяснить, какъ это необходимо для души нашей. А какъ мои простые слушатели могли не понять

высокое ученіе о величайшемъ христіанскомъ таинствѣ, то позволялъ себѣ при случаѣ употреблять и особаго рода объясненія и доказательства, — такъ сказать, наглядныя. Я спросилъ Мордву: „знаете ли вы, что въ русскихъ селахъ, если не всѣ, то половина народа великимъ постомъ непремѣнно причащаются?“ — Да, бачка, знаемъ. — „А отъ чего русскіе любятъ причащаться? — Отъ того, что знаютъ вѣру! Отъ чего Мордва и въ церковь мало ходятъ и причащаются не многіе? Отъ того, что вѣру Христову не знаете. Отъ чего вотъ Дема причащается четыре раза въ годъ? Отъ того, что онъ грамотный, самъ читаетъ о вѣрѣ въ книгахъ; онъ былъ въ Кіевѣ у св. мощей, былъ и у Соловецкихъ чудотворцевъ и въ разныхъ монастыряхъ.... своими глазами видѣлъ, какъ народъ православный умилостивляетъ Бога и спасаетъ свои души. Такъ — то, кто знаетъ вѣру, тотъ и въ церковь ходитъ и причащается непремѣнно каждый годъ однажды; такой человѣкъ, говорю, спасетъ душу свою и всякую милость получитъ. — А вы молите Бога тогда только, когда бѣда надъ вами, вотъ хоть бы засуха на поляхъ“...Въ этомъ тонѣ толковалъ я съ народомъ довольно долго на первомъ же родникѣ. Въ отвѣтъ мнѣ слышались голоса: такъ, такъ; надо ходить въ церковь, надо причащаться, — Бога надо помнить. На двухъ другихъ родникахъ, на которыхъ останавливались для молебствій, я опять толковалъ *отъ Божественнаго*. Радъ, говорю, что васъ собралось такъ много, вотъ и хочется мнѣ поговорить съ вами *отъ Божественнаго*. „Спасибо, спасибо, бачка, отвѣчали Мордва, что толкуешь намъ, какъ жить по Божественному. Толкуй, будемъ слушаться

тебя.“

Но говоря вообще весна и лѣто — увы! не благопріятствовали моему проповѣдничеству. Почему? Потому что я занялся полевыми работами. Когда священникъ говоритъ, что онъ самъ засѣваетъ свои загоны, а не отдаетъ за деньги или изъ половины урожая, то можете быть увѣрены, что лѣтомъ ему не до проповѣди. Въ будни и подумать нѣкогда, а въ воскресенье встанетъ онъ до восхода солнца, отслужитъ заутреню, исполнитъ требы, а между тѣмъ освѣдомляется, сколько человѣкъ обѣщались придти на помочь (единственный способъ обработки полей, выгодный, хотя и не вездѣ, для священника), спѣшитъ отслужить литургію, чтобы поскорѣе отправиться на поле къ работникамъ. Сколько опущеній по своимъ святѣйшимъ обязанностямъ сдѣлаетъ священникъ изъ — за — этой гонки за кускомъ хлѣба! Сколько свѣжихъ талантовъ гибнетъ отъ этой причины и смѣняется апатіею ко всему, кромѣ одного требника! Тѣ опущенія по должности, для посторонннихъ глазъ, рѣшительно не замѣтны: но ихъ знаетъ Богъ и собственная совѣсть священника. Умственныхъ талантовъ и стремленій къ цѣлямъ по выше куска хлѣба въ сельскомъ священникѣ привыкли не воображать: но есть все это въ большинствѣ нашихъ сельскихъ собратій. Только „помочи,“ съ непзбѣжными при нихъ поклонами прихожанину, и разные другіе пріемы для пріобрѣтенія себѣ способовъ кормленія покрываютъ тѣ таланты и высшія стремленія толстою корою и они дѣйствительно часто и сохнутъ. — Счастливъ тотъ изъ сельскихъ священниковъ, который, *домъ свой добрѣ правяще*, такъ же хорошо съумѣетъ править врученною

ему паствою. Дай Боже, чтобы таковыхъ было по больше!

Мнѣ думается, что нынѣшніе сельскіе священники, не всѣ конечно, но очень многіе серіозно занимаются не однимъ хозяйствомъ, но и прямыми своими обязанностями. По мѣстамъ заводятся священниками библіотеки — и церковныя, а больше частныя, на собственныя средства; нынѣ не рѣдкость услышать, что священники всегда съ удовольствіемъ пользуются случаемъ гдѣ нибудь съѣхаться, чтобы потолковать о томъ, какъ кто правитъ дѣло Божіе, на которое поставлены, и какъ лучше его править. (*) Давно уже многіе высказывали мнѣніе о необходимости правильныхъ и обязательныхъ священническихъ съѣздовъ для бесѣдъ объ обязанностяхъ священника и лучшихъ способовъ дѣйствовать на приходы въ цѣляхъ Св. Вѣры. (см. № 23 Пенз Епарх. Вѣд. 1866 стр. 801). Нынѣ священническіе съѣзды узаконяются въ нашей епархіи. Будемъ ждать отъ нихъ всего лучшаго на благо Церкви Божіей. Да, пора намъ думать, не объ одномъ насущномъ хлѣбѣ, но покрайней мѣрѣ столько же, если не болѣе, о едпномъ на потребу. Помоги Боже!

Но 18 лѣтъ назадъ такихъ затѣй, какъ библіотеки, совѣщательныя собранія, или общества взаимнаго вспомо-

---

(*) Въ запрошлое, на примѣръ, лѣто четверо сосѣднихъ — священниковъ съѣхались на закладку церки въ селѣ Селиксѣ; по предложенію одного младшаго между собравшимися священниками они порѣшили выписать пять духовныхъ журналовъ, которые и передаютъ другъ другу.

женія, и т. п. — въ духовенствѣ не имѣлось. Все это, надо сказать правду, и нынѣ нѣкіимъ господамъ представляется не болѣе, какъ затѣями головъ, повихнувшихся на прогрессѣ, затѣями безполезными и даже опасными для мира духовныхъ лицъ, чуть ли не для самой религіи.

Не вѣдятъ, что творятъ! А творятъ такимъ консерватизмомъ положительное зло Церкви Христовой; такъ какъ сами того не замѣчая, ратуютъ противъ развитія духа дѣятельнаго христіанства, хотятъ застоя и неподвижности христіанскаго общества. Отъ застоя, какъ извѣстно, все въ мірѣ подвергается гнилости и порчѣ. Богъ съ ними — съ этакими рьяными консерваторами! — Св. Іоаннъ Златоустъ иначе разсуждалъ, когда думалъ о благѣ Церкви Божіей. Онъ доказываетъ необходимость тѣснаго единенія не только пастырей между собою, но и вообще вѣрующихъ, и всѣмъ заповѣдуетъ заботиться о благѣ Церкви Божіей не врозь и въ одиночку, а сообща. Говоря о великой силѣ собранія вѣрныхъ — въ молитвѣ, въ Евхаристіи, при возведеніи на духовныя степени и пр, — далѣе говоритъ слѣдующее; „все же сіе сказано мною для того, чтобы каждый изъ подначальныхъ трезвился, чтобы мы знали, что всѣ мы едино тѣло есмы, и столько же различаемся одинъ отъ другаго, сколько членъ отъ члена; и чтобы мы не все возлагали на однихъ священниковъ, но и сами пеклись о своей церкви, какъ о тѣлѣ всѣмъ намъ общемъ. Ибо сіе и вамъ послужитъ къ большему утвержденію и къ большему преуспѣянію въ добродѣтели. Послушай, какъ иногда и Апостолы къ участію въ своихъ разпоряженіяхъ допускали подчиненныхъ. Ибо, когда они поставляли седмь діаконовъ, сообщали о

семъ прежде народу. Когда Петръ избралъ Матѳія, предложилъ о томъ всѣмъ тогда съ нимъ бывшимъ, и мужамъ и женамъ. Посему здѣсь (въ Церкви) не имѣютъ мѣста ни высокомѣріе начальствующихъ, ни раболѣпство подчиненныхъ; но есть власть духовная, которая почитаетъ для себя пріобрѣтеніемъ принимать большіе труды изъ заботливости о васъ, и не искать большихъ почестей. Ибо въ Церкви должно жить, какъ въ одномъ домѣ; какъ составляющіе одно тѣло, — должны всѣ быть расположены другъ къ другу.“ Далѣе, оплакивая происшедшее раздѣленіе въ Церкви, отсутствіе любви и единенія между христіанами, и доказывая необходимость тѣснѣйшаго единства между ними примѣромъ Моусея, принявшаго совѣтъ Іоѳора, Св. Златоустъ продолжаетъ: „если одинъ не говоритъ полезнаго, пусть другой возстанетъ и говоритъ. Хотя бы онъ и былъ меньшій, но если предлагаетъ что либо полезное, — предпочти его мнѣніе; хотя бы онъ былъ даже и послѣдній, не оставь безъ вниманія. Ибо никто изъ нихъ не отстоитъ такъ отъ ближняго, какъ отъ Моусея отстоялъ тесть его, и между тѣмъ Моусей не только удостоилъ выслушать, но принялъ совѣтъ его, послѣдовалъ оному, вписалъ его въ книгу, не устыдился даже передать исторіи, въ низложеніе гордости многихъ. И такъ не будемъ презирать тѣхъ, которые даютъ намъ полезные совѣты, хотя бы они были люди низкіе. Не будемъ почитать достойнымъ предпочтенія, что предлагаемъ сами. Но что окажется полезнымъ, то пусть и одобряется всѣми. Многіе, при слабомъ зрѣніи, разпознаютъ иное лучше имѣющихъ острое зрѣніе, — потому что тщательно и внимательно разсматриваютъ..... Очи-

стивши душу отъ всякой гордости и тщеславія, будемъ искать не того, чтобы только наши мнѣнія были уважаемы, но чтобы всегда предпочитаемъ былъ полезный совѣтъ, хотя и не намп онъ данъ. Не мало получимъ пользы, хотя не сами придумаемъ полезное, но примемъ оное отъ другихъ, даже получимъ великую награду отъ Бога и удостоимся тѣмъ большей славы. Ибо какъ сказавшій полезное называется мудрымъ; такъ и мы, принявшіе слова его, заслуживаетъ похвалу за благоразуміе и благомысліе. Такъ созидаютъ домы и города; такъ созидаясь и Церковь получитъ большее приращеніе.“ (Толк. на 2-е посл. къ Коринѳ. Бес. 18.). — И такъ еще Св. Златоустъ для блага Церкви рекомендовалъ совѣщательныя собранія вѣрующихъ.

Окончаніе въ слѣдующ. номерѣ.)

Мое житье — бытье въ селѣ К — сѣ.

(изъ воспоминаній священника.)

(Продолженіе (1).

III.

Постройка Церкви. Училище.

Тяжеленько жить такому простому народу, какъ Мордва. Все — то имъ обходится дороже, чѣмъ оно стоитъ. Вотъ хоть бы постройка церкви и училище: они стоили денегъ, которыя не всѣ могутъ значиться поступившими на приходъ и расходъ.

Вышло разрѣшеніе строить новую деревянную церковь. Лѣсничій — Полякъ объявилъ, что получилъ предписаніе отпустить потребное количество лѣсу изъ дачи, принадлежащей К — су, Д — кѣ или другой деревнѣ, приписанной приходомъ къ К — су (а ихъ пять деревень не считая села), гдѣ только онъ найдетъ лѣсу больше и лучшаго качества. Казалось, дѣло теперь живо пойдетъ: но не тутъ — то было. Лѣсничій умудрился затянуть постройку церкви больше, чѣмъ на цѣлый годъ, а себѣ за объѣздъ дачъ взялъ, говорятъ Мордва, по 10 золотыхъ съ деревни. Хотѣлъ онъ и съ меня нѣчто взять: Церковь — то, говоритъ, всего больше попу нужна, — да я ни

---

(1) См. № 1 П. Е. В. 1870 г. стр. 12.

чего не далъ. Не опытенъ и былъ въ жетейскихъ дѣлахъ и полагалъ, что лѣсничій долженъ исполнить предписанія своего начальства. Но вышло не такъ. Онъ, какъ передавали мнѣ, донесъ, что въ К — ой дачѣ лѣсъ и хорошъ, на его но много; въ Д — ой дачѣ — тоже; а потому этотъ лѣсъ надо поберечь на случай пожаровъ въ деревняхъ; а во дачахъ такой — то и такой — то деревни лѣсу и много, да не хорошъ: церковь не долговѣчна будетъ; не разрѣшитъ ли, представляетъ, начальство отпустить лѣсъ изъ С — казенной дачи: тамъ отличнѣйшаго лѣсу видимо—невидимо. Начальство разрѣшило. Но С — ая дача въ 40 верстахъ отъ К — са: Мордва такъ и взвыли, узнавъ о такомъ рѣшеніи начальства. Шутка ли, говорили, возить бревна за 40 верстъ! Да какія у насъ лошаденки — то! Да однимъ кормомъ для лошадей чего будетъ стоить каждое бревно! Нѣтъ, ужь лучше мы найдемъ готовыхъ бревна по три, по четыре со двора (въ приходѣ до 400 дворовъ); бревна на дворахъ у каждаго изъ насъ найдутся, а у кого нѣтъ, тому купить станетъ дешевле, чѣмъ ѣхать за 40 верстъ. Порѣшивъ такъ вопросъ, отказались отъ даровaго, отпущеннаго начальствомъ лѣса, и какъ ужь выстроена церковь не знаю, — она выстроена послѣ меня, только выстроили большую, красивую деревянную церковь.

Или вотъ еще рѣчь объ училищѣ. Оно лѣтъ за 5-ть или больше до поступленія моего въ К — съ открыто Палатою Государственныхъ Имуществъ, потому, конечно, соображенію, что село это большое, и въ немъ Волостное Управленіе; значитъ тутъ разчивывалось на непосредственный надзоръ со стороны волостнаго и сельскаго

начальствъ и ждали, что училище пойдетъ какъ нельзя лучше. Я опредѣленъ былъ вмѣстѣ и учителемъ этого училища, на которое изъ Палаты Государственныхъ Имуществъ отпускалось, помнится, 150 рублей. Тутъ: жалованье мнѣ — учителю, и за квартиру (помѣщеніе училища было наемное), на отопленіе, на сторожа, на бумагу, карандаши и грифельныя доски. Классныя принадлежности должны были стоить мнѣ, какъ я напередъ разчиталъ, отъ 10 до 20 руб. въ годъ, смотря по количеству учениковъ, а прочія деньги всѣ сполна оставались мнѣ, такъ какъ, не имѣя ни какой семьи, кромѣ одной жены, я отлично помѣстилъ училище въ тойже квартирѣ, которую напялъ лично для себя, а отопленіе, по обилію лѣса въ К — сѣ, ничего не стоитъ; сторожемъ былъ мой работникъ. За 130 или 140 руб. сер. сельскому священнику можно заняться училищемъ съ полнымъ усердіемъ. Я и рѣшился заняться честно и съ усердіемъ. Но учениковъ нѣтъ. Числятся, правда, по списку, составленному моимъ предмѣстникомъ — учителемъ, 10 учениковъ, а ходятъ въ училище 6 — 8 и тѣ не постоянно. „Давайте мнѣ учениковъ,“ — говорю я Гололобѣ и Волостному писарю. „Извольте, отвѣчаютъ, мы вамъ хоть сотню пригонимъ.“ И дѣйствительно принялись гнать. Взяли посемейные списки крестьянъ К — хъ и деревенскихъ, составили списокъ мальчиковъ, могущихъ, по лѣтамъ ихъ, учиться, и послали десятскихъ привести ихъ въ училище. Какой плачь — то поднялся и по селу и по окрестнымъ деревнямъ, — тотъ же рекрутскій наборъ, если не хуже! Выли мальчики, выли и матери, отцы роптали и толковали между собою, изыскивая способы

отдѣлаться отъ этой новой, натуральной повинности. И нашли способъ дѣйствительный! Въ двѣ недѣли, какъ въ Волостномъ Правленіи начался пересмотръ посемейныхъ списковъ въ видахъ содѣйствія мнѣ по училищу, у меня не прибавилось ни одного ученика. И пригонятъ двухъ — трехъ, да пойманный въ лѣсу заяцъ, какъ его ни корми, все наровитъ утянуть въ лѣсъ. Такъ и новобранцы — ученики. Попыхтятъ, похныкаютъ въ училищѣ, а потомъ и нѣтъ ихъ. Вѣдь дѣло — то плохо идетъ, говорю сельскимъ властямъ: учениковъ — то нѣтъ какъ нѣтъ! — Ничего, говорятъ, подождите не много, ужь найдемъ же кого заставить учиться " — Жду. Только разъ приходитъ ко мнѣ старикъ и мальчика лѣтъ 11 держитъ за руку; плачетъ мальчикъ. — Что, говорю, въ ученье привелъ? — ,,Помилосердствуй, бачка, вотъ тебѣ гостинецъ, только помилосердствуй, освободи мальчишку отъ ученья," — и суетъ мнѣ въ руку серебряный рубль; давалъ, говоритъ, этотъ цѣлковый писарю, — не беретъ, надо вишь кому нибудь и въ ученьи быть, а другихъ онъ освободилъ кого за цѣлковый, кого за два; а мой мальчишка мнѣ дома нуженъ: рогожи и цыновки ткетъ; дѣтей еще только одинъ, да тотъ старшій въ извозѣ." Жалко мнѣ стало старика, жалко и другихъ, (*) которые изъ за моего требованія учениковъ въ училище должны были понезрасходоваться кто на рубль, кто на два. Отпустилъ

(*) Около сотни семействъ перебрали, вербуя учениковъ въ школу! Не мудрено приблизительно сочесть, какая сумма собрана была по случаю этой вербовки!!

я старика съ миромъ, оставивъ ему и цѣлковый и мальчика. Старикъ бухнулся мнѣ въ ноги, и пошелъ твердя: спасибо, бачка, спасибо!“ А я пошелъ въ Волостное Управленіе доложить, что мальчиковъ, которыхъ силой загоняли въ училище, нѣтъ ни какой возможности и пользы удерживать въ немъ, что они тотчасъ разбѣгаются, а которые и остаются, лишь ревутъ, а на книжку смотрѣть не хотятъ; что надобно бросить это дѣло.“ Бросить такъ бросить, отвѣчаетъ начальство; и Окружный — де говорилъ, что ,,хотя ученье и хорошее дѣло, но брать ребятъ силой не должно.“ Я, говорю, самъ попытаюсь понемножку зазывать мальчиковъ, — десятокъ учениковъ будетъ и довольно! — Какъ хотите, говорятъ, для насъ все равно, будетъ кто нибудь учиться, или ни кто не будетъ.

Поѣхалъ я въ городъ и накупилъ красненькихъ книжекъ — азбукъ. Старыя положилъ въ училищный сундукъ, гдѣ помѣщалась вся училищная библіотека, а новыя роздалъ своимъ шестерымъ ученикамъ. ,,Это, говорю, будутъ ваши, а не казенныя книжки, можете брать ихъ съ собой домой; каждому новому ученику я буду давать по такой же книжкѣ.“ Надо было видѣть радость дѣтей, получившихъ новенькія книжки! На слѣдующее утро явились два ученика вновь и получа книжки, стали ходить въ училище. Такъ тянулось дѣло училища съ Ноября до Рождества. Обходя домы съ славленьемъ я толковалъ отцамъ и матерямъ, какъ хорошо учить дѣтей, — мальчиковъ и дѣвочекъ книжному искусству. ,,Такъ, такъ, бачка, отвѣчаютъ; только у насъ мальчики и дѣвочки при дѣлѣ дома: рогожи ткутъ или маленькихъ ре-

бятъ няпьчаютъ.“ Такъ отвѣчали почти въ каждомъ домѣ, хотя рогожи работаютъ и маленькіе ребята, которыхъ нужно няпьчить, есть далеко не въ каждомъ домѣ; улицы съ утра до вечера полны ребятами и дѣвочками: видно, что дома имъ дѣла нѣтъ и что лгутъ отцы и матери, ссылаясь на домашнія занятія дѣтей. Тогда я обратился съ приглашеніемъ въ училище къ самому молодому поколѣнію, которое со всего села собиралось преимущественно на мосту, перекинутомъ черезъ оврагъ посреди селенія. Дѣти уже нѣсколько предрасположены были ко мнѣ красненькими книжками, взошедшими въ славу по всему селенію, а такъ же и отзывами самихъ учениковъ объ учителѣ, что — де лозой не сѣчетъ и линейкой не бьетъ, а пряники даетъ, а однажды всѣмъ — де намъ далъ по бѣлому сахару.“ Да ужь и мы то не останемся въ долгу у бачки и мачки, говорили ученики: придетъ лѣто, такой славной малины по цѣлой чашкѣ имъ принесемъ, да и грибовъ натаскаемъ. Къ чести бывшихъ моихъ учениковъ и въ предупрежденіе обвиненій въ вымогательствѣ господами, проповѣдующими, что не слѣдуетъ „попамъ“ поручать сельскія училища, по той важной причинѣ, что „попы“ и поросятами и курами берутъ съ учениковъ, и за водой ихъ посылаютъ, замѣчу, что въ послѣдствіи почти всѣми моими учениками исполненное намѣреніе расплатиться за ласки малиною и грибами, возникло въ ихъ собственныхъ головахъ, безъ всякаго намека со стороны бачки или мачки. И я думаю, что въ томъ нѣтъ бѣды, что ученикъ — сельскій мальчикъ выражаетъ учителю свою благодарность чашкою грибовъ или ягодъ, или сбѣгаетъ для него къ роднику за

водою, особенно когда учитель священникъ возится со школою безвозмездно, да еще свои книжки раздаетъ и гостинцами ласкаетъ. Надобно радоваться, какъ доброй чертѣ въ характерѣ ученика, когда онъ чувствуетъ благодарность и, какъ можетъ, выражаетъ ее на дѣлѣ. Учитель не останется въ долгу у ученика, а обмѣнъ подарками лишь скрѣпляетъ ихъ взаимную между собою связь. Впрочемъ стоитъ — ли толковать о поросенкѣ, цыпленкѣ, малинѣ и грибахъ....Возвращаюсь къ моему разсказу. — Черезъ мостъ, гдѣ собиралось юное поколѣніе съ салазками и скамейками, мнѣ случалось проходить нерѣдко. Славить ли иду на другую половину села, съ требой ли, моста не минуешь, и идешь по нему сквозь ряды мальчиковъ. Тѣ изъ нихъ, которые ходятъ или прежде ходили въ училище, и шапки снимутъ проворнѣе и подъ благословеніе подходятъ, а не учащіеся вслѣдъ за ними; а иные изъ этихъ послѣднихъ норовятъ спрятаться или въ толпѣ или подъ мостъ. ,,Вотъ, говорю, эти мои ученики, а вы ребята что не ходите въ ученье? Молчатъ; но ученики за нихъ отвѣчаютъ: ,,они, бачка, говорятъ, что насъ прутьями ты порешь, и надъ нами смѣются.“ — Да вы бы имъ сказали, бью ли я васъ.“ — Не вѣрятъ, бачка, — ученья — де безъ того не бываетъ. — А вотъ же бываетъ, ребята; приходи самъ, кто слову не вѣритъ, и посмотри; понравится ученье — учись, не понравится, пошелъ домой, да больше и не ходи. Вотъ такъ — то ребята! Ну и про пользу грамотности съ ними потолкуешь: какъ нужно знать молитвы, а большой выростешь, — выберутъ головой или старшиной, — безъ грамоты плохо. Почесываютъ затылки, а иной скажетъ: ,,и то ни —

какъ сходить!... Такія бесѣды на мосту происходили у насъ отъ Рождества до Крещенія, да и послѣ. Меня слушали уже охотно, по крайней мѣрѣ ни одинъ мальчикъ не прятался. Къ главному предмету бесѣдъ для разнообразія присоединялъ я и другіе, напр: о снѣгѣ, о льдѣ, инеѣ, росѣ и дождѣ, и. что было бы на землѣ, если бы Господь не посылалъ намъ теплое лѣто. Мальчики охотно слушаютъ. Многіе изъ нихъ не понимаютъ русской рѣчи, но изъ учениковъ сейчасъ же нѣкоторые берутъ на себя обязанность толмачей. Что же вышло изъ всего этого? А вотъ что: къ концу Января у меня было уже 40 учениковъ, а потомъ начали ходить и дѣвочки счетомъ до 8-ми: успѣхъ бесѣдъ на мосту превзошелъ мои ожиданія! „Бачка, говорили мнѣ, смѣясь, отцы новыхъ учениковъ, ты околдовалъ нашихъ ребятъ! Пока не разсвѣтало, парень рогожи ткетъ и скотинѣ корму задаетъ, а лишь разсвѣтало, въ ученье бѣжитъ, и не удержишь ничѣмъ. — Что же развѣ это худо? — Чего худо; молитвы умѣетъ читать, и мы отъ него по вечерамъ учимся: „спасибо тебѣ.“

Весною, когда у крестьянъ начались полевые работы, школа закрыта до осени, т. е. по крайней мѣрѣ на четыре, а для большей части учениковъ на пять мѣсяцевъ. Я занимался ею пять, или шесть мѣсяцевъ. Ревизовалъ мою школу и Благочинный, и Окружный Начальникъ и Штатный Смотритель уѣздныхъ училищъ. Ничего: всѣ остались довольны, и главное, дивились, какъ я успѣлъ собрать такое число учениковъ и даже ученицъ. Волостное начальство, говорю, помогло и разсказываю имъ, кому все, а кому, какъ напр., Окружному начальнику,

не все изъ того, какъ мнѣ помогало Волостное Управленіе. Смѣются.

Много возни было съ новобранцами въ первыя недѣли, какъ поступили они въ училище: русской рѣчи не понимаютъ, — толкуй имъ тутъ! Говори, диктуешь: *а, е,* — ученикъ повторяетъ; „говори: *а, е*„. Смѣются старые ученики, заговорятъ съ новичкомъ по мордовски, дѣло улаживается, ученье идетъ своимъ порядкомъ.

Все — таки съ такимъ количествомъ учениковъ, едва понимающихъ русскую рѣчь, ученье должно бы почти вяло, если бы они учились каждый по своей азбукѣ. Но я на самомъ днѣ училищнаго сундука нашелъ находку, которая меня и удивила своею новизною (для меня) и несказанно обрадовала, когда я приложилъ ее къ дѣлу. Находка эта была: таблица взаимнаго обученія грамотѣ и ариѳмѣтикѣ по методѣ Ландкастера. Онѣ были новенькія, хотя по бумагамъ училища значились присланными давнымъ давно: значитъ считались къ дѣлу непригодными. Попыталъ я учить по нихъ; вижу, дѣло идетъ ладно, да и наклеилъ на картонные листы. Ученье пошло весело и успѣшно: къ Пасхѣ и новички могли порядочно читать. Я благословлялъ свою находку и выдумщиковъ новаго для меня способа обученія въ школѣ. До этой находки я и не воображалъ (какъ и нынѣ еще многіе не воображаютъ), что можно учить и иначе, нежели учились мы и прадѣды нашихъ прадѣдовъ, лѣтъ тысячу назадъ!... Кромѣ таблицъ мнѣ много помогали о. діаконъ, которому я платилъ по 10 и 15 коп. за урокъ, и моя жена. Одинъ я не могъ бы съ успѣхомъ вести дѣло обученія: приходъ и хозяйство отнимаютъ много времени у священ-

ника.

Лѣто 1851 года было благодатное: и хлѣбъ всякій уродился, и малины и всего въ полѣ и лѣсу было много.

Люди сельскіе
Не насмотрятся;
Люди сельскіе
Божьей милости
Ждали съ трепетомъ
И молитвою.

Заѣдешь бывало въ поле, или лѣсъ, невольно почувствуешь, что

Міръ жизнью кипитъ;
Вездѣ Тріединый,
Воззвавшій все къ жизни!
. . . . . .
Въ царствѣ Божьей воли,
Въ переливахъ жизни,
Нѣтъ безсильной смерти
Нѣтъ бездушной жизни! (*)

Всѣ мальчики исполнили свое обѣщаніе, — приносили и ягодъ и грибовъ. Приносили эти подарки и сами матери обучавшихся въ училищѣ дѣтей. Подходитъ баба къ окну, стучитъ и кричитъ: „мачка, а мачка!“—Что тебѣ? — Натка малину. .. — Продаешь что ли? — Нѣтъ, нѣтъ: дарю... вотъ эта дѣвченка моя у тебя училась; „Богородицу“ знаетъ, за то тебѣ малину принесла: спасибо

(*) Кольцевъ.

тебѣ, мачка, что учишь. Ну и разговорятся, и хочетъ баба осенью опять отпускать дѣвченку въ ученье. Но въ концѣ Августа присланъ былъ мнѣ Указъ Консисторіи, перемѣщающій меня въ городской, хорошій приходъ. Конечно я былъ радъ. На первыхъ порахъ забылъ даже про свою школу, которая въ Сентябрѣ должна была собраться вновь, и про ,,вѣчную свѣчу,“ (*) которую хотѣлось перелить мнѣ въ церковную. Но за тѣмъ вспомнилось мнѣ все это, вспомнилось все, къ чему лежало мое сердце въ К — сѣ: эта простота нравовъ, это вниманіе къ простой рѣчи, это полная возможность дѣлать дѣло Божіе между этимъ народомъ, который доселѣ остается въ потемкахъ суевѣрій, потому лишь, что на него доселѣ никто не обращалъ должнаго вниманія. Тутъ *жатва многа*, но *дѣлателей мало*, съ грустію думалъ я, уѣзжая изъ К — са. Грусть моя увеличивалась по соображеніямъ важности новаго мѣста служенія въ отношеніи умственномъ и религіозномъ. При новомъ назначеніи, я долженъ бы взывать Богу и Начальству: *посли иного могуща мене*. Я не взывалъ. Не потому ли, что больше думалъ не *объ Іисусѣ, а о хлѣба кусѣ*, (**) или

(*) Случайно видѣнную мною въ день моляна 18 Августа. Она хранится у Мордвы въ тайнѣ отъ русскаго глаза. Вѣчною называется отъ того, что ей не даютъ всей сгорѣть, налѣпляя воску сверху. См. Пенз. Губерн. Вѣд. 1867 г. ст. моляны.

(**) По выраженію Святителя Димитрія Ростовскаго.

о чемъ либо подобномъ? Я не взывалъ, — и это, можетъ быть, былъ первый грѣхъ мой по рукоположеніи во священника.

Свящ. А. Т — скій.

(1) См. № 23 П. Е. В. 1869 г. стр. 733.